

Белинская Е.П., Бронин И.Д. Адаптация русскоязычной версии опросника стилей идентичности М.Берзонски

English version: [Belinskaya E.P., Bronin I.D. Adaptation of the Russian version of M. Berzonsky's Identity Style Inventory](#)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия
Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия

[Сведения об авторах](#)
[Литература](#)
[Ссылка для цитирования](#)

Обобщены актуальные методические проблемы изучения идентичности. Впервые в отечественной социальной психологии представлены результаты психометрической проверки и валидации русскоязычной версии опросника стилей идентичности М.Берзонски. Отмечаются умеренно высокие показатели надежности, содержательной и конструктивной валидности всех четырех шкал опросника; обсуждаются перспективы использования количественных методов в исследованиях идентичности.

Ключевые слова: идентичность, социальная идентичность, стили идентичности, шкальные опросники, психометрические показатели, валидность

Обращаясь к методическому освоению проблемы идентичности, прежде всего заметим, что здесь можно констатировать наличие определенных методических трудностей, не получивших на сегодняшний день своего однозначного разрешения. Исходное отсутствие четких дефиниций самого понятия идентичности (как персональной, так и социальной ее ипостасей), начало которому положила еще концепция Э.Эриксона, в ситуации дальнейших эмпирических исследований обернулось своеобразным методическим фейерверком. В итоге идентичность исследовалась и исследуется с помощью самых разных методических средств – от свободных самоописаний до клинических личностных тестов, в то время как сам Эриксон считал единственно адекватным данной проблеме метод клинической беседы.

Возможность многообразия эмпирических трактовок идентичности подкреплялась и продолжает подкрепляться сегодня постоянно расширяющимся многообразием концептуальных позиций в ее изучении, причем это многообразие прирастает не только за счет собственно психологии – в настоящий момент проблематика идентичности уже прочно утвердилась в междисциплинарном статусе. Сегодня категория идентичности широко используется не только психологами, но и социологами, философами, историками, специалистами в области информационных технологий. И естественно, что перед исследователями это ставит задачу не только соотнесения методов разных наук, но и с необходимостью требует определенного уровня методической рефлексии: точного определения задач и целей исследования, знания возможностей и ограничений в применении той или иной методики, умения соотнести ее содержание с той или иной теоретической концепцией и т.п.

Отметим, что отдельную методическую сложность представляет собой эмпирическое изучение социальной идентичности: при обращении исследователя к этому предмету в качестве центральной методической проблемы выступает необходимость четкого определения того, на каком уровне он будет изучаться, а именно – с позиций социальной или групповой общности или же в центре будет

личность как носитель определенных социо-ролевых характеристик. Очевидно, что выбор того или иного уровня изучения задает в данном случае и выбор конкретного методического инструментария.

Общая характеристика методических средств изучения идентичности

В целом в реестре используемых методических средств для изучения идентичности можно выделить следующие их типы.

Во-первых, это прежде всего методы свободного самоописания, использующиеся как для изучения персональной идентичности, так и для различных видов социальной идентичности. Отметим, что, распространившись исходно как методический прием изучения социальной идентичности, предполагавший дальнейшее определение степени согласованности представлений человека о самом себе с тем, каков он, по его мнению, в глазах значимых Других, сегодня он все более и более используется в исследованиях персональной идентичности, особенно в рамках нарративной психологии [Белинская, 2013].

Во-вторых, это различные варианты полустандартизированных самоописаний, опирающиеся на ту или иную теоретическую модель идентичности и анализируемые с помощью соответствующей ей сетки категорий контент-анализа. В качестве типичного примера достаточно назвать повсеместно представленную в исследованиях идентичности методику М.Куна и Т.МакПартленда «Кто я?» со всеми крайне разнообразными на сегодняшний день модификациями инструкции и способами интерпретации получаемых данных. Не менее популярным является использование концепции Дж.Марсиа и соответствующего ей полуструктурированного интервью.

В-третьих, в исследованиях идентичности уже достаточно широко представлены психосемантические методы, позволяющие соотнести представленность в семантическом «пространстве» тех или иных видов идентичности, возможные содержательные «пересечения» оснований их категоризации или же, напротив, принципиальную разнородность.

Нетрудно видеть, что все вышеперечисленные виды методического инструментария для изучения идентичности (как персональной, так и социальной – полоролевой, профессиональной, этнической и т.п.) фактически тождественны методам изучения Я-концепции. Несмотря на существующие различия в теоретических взглядах на проблему соотношения этих двух понятий («Я» и идентичности), на уровне конкретного эмпирического исследования они, по сути, стираются: так, например, самоописания в терминах социальных ролей, полученные с помощью методики «Кто Я?», могут быть интерпретированы и как особенности Я-концепции, и как составляющие социальной идентичности. Подобная методическая неопределенность может, естественно, преодолеваться исследователями через сочетание разных видов инструментария. Более того, сегодня при исследовании социальной идентичности (прежде всего – этнической и профессиональной) она не только так преодолевается, но и порождает новые витки дискуссии о возможностях и ограничениях методического разнообразия. Достаточно часто отдельным вопросом становится вопрос сочетания качественных и количественных методов в социально-психологических исследованиях идентичности (см., например: [Рикель, 2011; Шнейдер, 2004]).

В значительной степени эти дискуссии поддерживаются фактом очевидной нехватки шкальных опросников для изучения тех или иных видов идентичности. В самом деле – логичным добавлением в перечень уже упомянутых выше методических средств могли бы стать шкальные опросники, количественно оценивающие как степень выраженности различных структур идентичности, так и степень их субъективной связанности, но именно этого типа инструментария в исследованиях идентичности традиционно недостаточно. Тому существует несколько причин. Помимо уже отмеченной концептуальной неопределенности самого понятия идентичности и возможности его соотнесения с широким спектром теоретических моделей не последнюю роль в этом играет и

объективная сложность самого феномена. Именно она нередко заставляет исследователей или прибегать к совмещению различных, подчас не совместимых оснований при соединении тех или иных «шкал идентичности» в одном опроснике [Шнейдер, 2004], или рассматривать лишь какой-то один аспект идентичности (преимущественно социальный) как степень субъективной схожести с конкретной социальной группой – таковы, например, преимущественные принципы построения шкал этнической идентичности [Стефаненко, 2009], или же на операциональном уровне сводить внутреннюю структуру идентичности к другим психологическим феноменам. Классическим примером в данном случае может служить создание шкальных опросников на конкретный вид социальной идентичности (профессиональной, этнической, полоролевой) по принципу опросников на выявление социальных установок, содержащих известную триаду из когнитивного, аффективного и поведенческого компонентов.

Заметим, что отдельной методической задачей при этом становится качественный перевод и адаптация зарубежных шкал для изучения идентичности. Представляется, что одной из последних работ, внесших существенный вклад в ее решение, является работа А.Е.Войскунского с коллегами, обратившихся к широко используемому в англоязычных странах и имеющему уже свою четвертую версию опроснику «Аспекты идентичности» Дж.Чика [Войскунский, Евдокименко, Федунина, 2013]. Не претендуя на концептуальную стройность оснований для выделения шкал, создатель данного опросника исходит из общей идеи деления идентичности на персональную и социальную. При этом последняя трактуется им максимально подробно, что и задает наличие итоговых шести шкал, из которых одна посвящена «личностному» измерению идентичности, а остальные – «социальному». Интересно, что показателями идентификации во всех случаях выступает степень значимости для человека тех или иных его «Я» для конструирования идентичности. Так, например, шкала персональной идентичности включает в себя вопросы, касающиеся значимости личных ценностей и норм, мыслей и чувств, планов и жизненной перспективы, а также общей оценки своей личности с точки зрения ее непрерывности, самоидентичности, отличия от других, а остальные шкалы – вопросы, касающиеся, соответственно, значимости для человека межличностных отношений, групповой принадлежности, социальной оценки со стороны других людей и т.п. Заметим, что при всей очевидной привлекательности подобного инструментария, особенно в том, что касается эмпирического изучения именно процесса осознанного конструирования идентичности (например, в рамках сетевой коммуникации), все-таки неясным остается вопрос о его концептуальных основаниях. Соответственно, адаптация инструмента шкального типа для изучения идентичности не теряет своей актуальности.

Модель и опросник стилей идентичности М.Берзонски

Выбранный нами для перевода и адаптации опросник стилей идентичности М.Берзонски базируется на его одноименной концептуальной модели, эмпирически очень близкой известной модели Дж.Марсиа, более того – их инструменты диагностики идентичности очень схожи и, как отмечается, высоко коррелируют друг с другом [Kroger, Marcia, 2010].

По сути, М.Берзонски реформулирует теорию Дж.Марсиа на язык когнитивной психологии. Он утверждает, что люди по-разному поступают с релевантной идентичности информацией, и выделяет три стиля идентичности: информационный, нормативный и диффузный [Berzonsky, 1997; Crocetti, Rubini, Berzonsky, Meeus, 2009; Smits, Soenens, Berzonsky, Luycckx, Goossens, Bosma, 2009]. Под релевантной идентичности информацией понимается любая информация, которая так или иначе связана с мировоззрением человека, его моральными устоями, его видением своих политических и религиозных взглядов. «Поступать с этой информацией» означает то, как человек ведет себя при столкновении с необходимостью принять решение (например, когда необходимо выразить свою точку зрения по вопросу религии или же когда у человека возникает вопрос относительно того, какое политическое устройство более пригодно для страны, в которой он живет, и т.д.).

Итоговые стили идентичности М.Берзонски характеризуются следующим образом.

1. *Информационный стиль идентичности* (Informational Style Identity). Люди с таким стилем идентичности стремятся получить максимум информации в случае ситуации выбора, прежде чем принять решение о важности цели для себя, значимости той или иной позиции и ценности, того или иного направления своего развития.

2. *Нормативный стиль идентичности* (Normative Identity Style). В случае, если человек имеет нормативный стиль идентичности, он не склонен искать информацию сам, но предпочитает следовать семейным традициям, социальным и/или групповым нормам, то есть следует уже готовым и социально желательным решениям.

3. *Диффузный стиль идентичности* (Diffused/Avoidant Identity Style). Имея диффузный стиль идентичности, человек живет без сформированной позиции (идентичности) и принимает решения, формулирует ответы прямо по ходу развития конкретной ситуации социального взаимодействия или же отсрочивает принятие решений на неопределенное время.

Кроме этих трех стилей идентичности М.Берзонски отдельно выделяет *шкалу приверженности*, которая отражает степень, в которой человек склонен придерживаться своих взглядов или же, напротив, непрестанно менять их.

Исследования показывают, что информационный стиль идентичности, по сути, является эквивалентом статуса достигнутой идентичности и статуса моратория по Дж.Марсиа, так как они оба характеризуются наличием исследования окружающей реальности. Разница лишь в том, что статус достигнутой идентичности будет соответствовать высоким баллам по шкале информационной идентичности в комбинации с высокими баллами по шкале приверженности, а статус моратория – высоким баллам по шкале информационного стиля идентичности и низкими баллами по шкале приверженности. Нормативный стиль идентичности имеет своим эквивалентом статус предопределенной идентичности по Дж.Марсиа, и, наконец, эквивалентом диффузного статуса идентичности считают диффузный стиль идентичности [Adams, 1998; Serafini, Adams, 2002].

Оригинальная (третья) версия опросника стилей идентичности (ISI3) включает в себя 40 вопросов лайкертовского типа (5-балльные шкалы), которые делятся на четыре шкалы. Три из четырех шкал позволяют диагностировать стиль идентичности (информационный, нормативный или диффузный), а четвертая шкала – степень приверженности респондента к принятым им воззрениям (шкала приверженности). Соответственно, психометрическое исследование шкал информационного, нормативного и диффузного стилей идентичности проводилось нами независимо от исследования шкалы приверженности.

Процедура адаптации русскоязычной версии опросника М.Берзонски

Процедура адаптации русскоязычной версии опросника включала в себя следующие этапы.

1. Перевод и обратный перевод англоязычной версии опросника.
2. Сбор данных для оценки психометрических показателей.
3. Оценка психометрических показателей.
4. Определение конструктивной валидности опросника.

Испытуемые

Выборка стандартизации составила 242 респондента в возрасте от 17 до 23 лет (средний возраст – 18,89, стандартное отклонение – 0,94), из них 76,4% отнесли себя к мужскому полу, 21,9% – к женскому. Респондентами выступили студенты одного из университетов Уральского региона,

факультетов гуманитарного и естественнонаучного профиля.

Оценка надежности и факторной структуры шкал стилей идентичности и шкалы приверженности исходной (переведенной) версии опросника

Для расчета показателей надежности использовался коэффициент α Кронбаха и тест двух половин Гуттмана. Результаты (в том числе в сравнении с данными М.Берзонски) представлены в таблице 1.

Таблица 1

Надежность как внутренняя согласованность исходного опросника стилей идентичности М.Берзонски

Шкала опросника стиля идентичности	α Кронбаха		Lambda 4	Lambda 5
	Текущее исследование	М. Берзонски	Текущее исследование	Текущее исследование
Информационный стиль идентичности	0,62	0,70	0,75	0,62
Нормативный стиль идентичности	0,63	0,64	0,74	0,64
Диффузный стиль идентичности	0,65	0,76	0,76	0,64
Шкала приверженности	0,63	0,71	0,77	0,64

Примечания. Lambda 4 – максимизированная корреляция двух половин шкалы, Lambda 5 – максимальная ковариация двух переменных шкалы.

Оценке факторной структуры опросника стилей идентичности подвергались независимо шкалы информационного, нормативного, диффузного стилей идентичности и шкала приверженности. Факторная структура оценивалась с помощью эксплораторного факторного анализа (метод главных компонент, косоугольное вращение) и конфирматорного факторного анализа. Предварительная проверка матрицы на факторизируемость производилась с помощью теста сферичности Бартлетта и посредством критерия Кайзера–Майера–Олкина (КМО).

Результаты факторного анализа исходного опросника показали определенное количество пунктов, которые дают низкие нагрузки на каждую из предполагаемых шкал (низкими считались нагрузки менее 0,4), при этом ряд пунктов дает высокие нагрузки на более чем одну шкалу. Вопросы, которые попадали под описанные критерии, были исключены из дальнейшего анализа. Необходимость исключения большого количества вопросов, диктуемое результатами эксплораторного и конфирматорного факторного анализа, понятна и с содержательной позиции [Smits, Soenens, Berzonsky, Luycx, Goossens, Bosma, 2009]. Отмечается, например, что в то время как ряд вопросов относятся к прошлому респондента, другие вопросы относятся к его настоящему. Далее, одни вопросы относятся к конкретным сферам жизни человека, а другие сформулированы абстрактно. Наконец, ряд вопросов шкалы нормативного стиля идентичности имеют явные ссылки на степень приверженности человека своему мнению, то есть шкала нормативного стиля идентичности оказывается похожей на шкалу приверженности. Итак, исходная переведенная версия была модифицирована в финальную рабочую версию (20 вопросов) путем исключения пунктов, которые не попадали под теоретическую структуру опросника. Текст данной версии опросника представлен в Приложении. Именно для этой версии и будут описаны далее финальные результаты определения психометрических показателей и конструктивная валидность.

Оценка надежности и факторной структуры шкал стилей идентичности и шкалы приверженности модифицированной версии опросника

Оценка надежности как внутренней согласованности шкал модифицированного опросника также производилась с помощью теста двух половин Гуттмана и коэффициента α Кронбаха и показала умеренно высокие результаты по всем шкалам (коэффициенты α Кронбаха колеблются в пределах 0,62–0,67, а корреляция между двумя половинами теста – в пределах 0,60–0,70, что соответствует данным зарубежных оценок).

Таблица 2

Надежность как внутренняя согласованность модифицированной версии опросника стилей идентичности М.Берзонски

Критерий		Информационный стиль идентичности	Нормативный стиль идентичности	Диффузный стиль идентичности	Шкала приверженности
Альфа Кронбаха	Данное исследование	0,65	0,62	0,62	0,67
	Berzonsky, 1997	0,70	0,64	0,76	0,71
	Johnson, Nozick, 2011	0,75	0,76	0,65	0,69
	Smits et al., 2009	0,70	0,55	0,74	–
	Crocetti et al., 2009	0,64	0,58	0,75	0,72
Lambda 4	Данное исследование	0,70	0,68	0,60	0,64
Lambda 5	Данное исследование	0,64	0,64	0,62	0,69

Оценка факторной структуры модифицированной версии производилась с помощью эксплораторного (метод главных компонент, косоугольное вращение) и конфирматорного факторного анализа; результаты представлены в следующих таблицах.

Таблица 3

Матрица факторных нагрузок (модифицированная версия опросника; шкалы стилей идентичности)

№ вопроса	Компонента 1 (информационный стиль)	Компонента 2 (диффузный стиль)	Компонента 3 (нормативный стиль)
2	0,62		
3		0,39	
5	0,54		
16	0,54		
17		0,44	
18	0,62		
23			0,65
24		0,45	
28			0,72
29		0,69	
30	0,32		
31		0,45	
32			0,44

34			0,41
36		0,40	

Можно видеть, что все пункты модифицированной версии опросника дают высокие нагрузки на соответствующие им шкалы.

Таблица 4

Показатели конфирматорного факторного анализа (модифицированная версия опросника; шкалы стилей идентичности и шкала приверженности)

Критерий оценки модели	Показатели «идеальной» модели	Модель шкал стилей идентичности	Монофакторная модель: шкала приверженности
chi-sq/df	< 2:1	1,74	1,34
p-value	1,00	0,00	0,244
CFI	> 0,90	0,852	0,992
TLI	> 0,90	0,822	0,983
GFI	> 0,09	0,927	0,989
RMSEA	< 0,08	0,055	0,038
SRMR	< 0,08	0,067	0,030

Показатели конфирматорного факторного анализа также свидетельствуют о высоком соответствии эмпирических данных теоретическим постулатам.

Определение конструктивной валидности опросника

Установление конструктивной валидности опросника производилось путем поиска связей между шкалами стилей идентичности и шкалой приверженности, а также связей стилей идентичности М.Берзонски с самооценкой и другими личностными характеристиками.

Отметим, что в литературе имеются свидетельства наличия корреляций между стилями идентичности и шкалой приверженности. Например, установлено, что как шкала информационного стиля идентичности, так и шкала нормативного стиля идентичности положительно коррелируют со шкалой приверженности [Smits et al., 2009]. Шкала диффузного стиля идентичности, напротив, по зарубежным данным, дает отрицательную корреляцию со шкалой приверженности [Berzonsky, Sullivan, 1992].

Проверка связанности шкал производилась с помощью коэффициента корреляции Пирсона и критерия Колмогорова–Смирнова. Принималось, что респондент имеет тот или иной стиль идентичности, если баллы по нему превышают среднее значение по распределению, а баллы по другим шкалам стилей идентичности, напротив, меньше, чем среднее по распределению. Удалось подтвердить, что, действительно, респонденты с информационным и нормативным стилями идентичности имеют более высокие баллы по шкале приверженности, чем респонденты с диффузным стилем идентичности ($D = 0,65$ и $D = 0,57$, $ps < 0,001$, соответственно). Кроме того, была зафиксирована положительная корреляция между шкалой нормативного стиля идентичности и шкалой приверженности ($r = 0,13$, $p = 0,05$). Между шкалой информационного стиля идентичности и шкалой приверженности также была обнаружена положительная корреляция, но незначимая статистически ($r = 0,1$, $p = 0,13$). Мы полагаем, что при увеличении выборки данная связь может быть установлена. Наконец, была установлена отрицательная корреляция между шкалой диффузного стиля идентичности и шкалой приверженности ($r = -0,40$, $p < 0,001$). Таким

образом, наши результаты в целом соответствуют данным, описанным другими исследователями.

Перейдем теперь к результатам связи стилей идентичности с самооценкой и личностными характеристиками. Самооценка измерялась с помощью шкалы самооценки М.Розенберга; личностные характеристики измерялись с помощью опросника «Большая пятерка».

Было установлено, что респонденты с нормативным стилем идентичности имеют более высокую самооценку по сравнению с респондентами с диффузным стилем идентичности ($D = 0,56$, $p = 0,02$); респонденты с нормативным и информационным стилями идентичности не имеют различий в уровне самооценки ($D = 0,27$, $p = 0,66$), а те, кто имеет высокие баллы по шкале приверженности, также имеют и высокие баллы по шкале самооценки ($r = 0,32$, $p < 0,001$). Кроме того, мы проверили, имеется ли положительная связь между шкалой информационного стиля идентичности и шкалой самооценки. Данное предположение не удалось подтвердить ($r = 0,14$, $p = 0,12$), но мы считаем, что это возможно при увеличении выборки исследования. Имеется также положительная корреляция между шкалой нормативного стиля идентичности и самооценкой ($r = 0,18$, $p = 0,04$), а также было выявлено, что те, кто имеет высокие баллы по шкале диффузного стиля идентичности, имеют низкие баллы по шкале самооценки ($r = -0,41$, $p < 0,001$). Отметим, что большая часть наших данных соответствует результатам зарубежных исследований связи уровня самооценки и стилей идентичности [Berzonsky, Sullivan, 1992; Adams, 1998; Duriez, Soenens, 2006].

Что касается связей стилей идентичности и шкал «Большой пятерки», то в зарубежной литературе имеется достаточное количество соответствующих данных. Например, отмечается положительная корреляция между шкалой информационного стиля идентичности и шкалой Открытости опыту, а также тот факт, что респонденты с информационным стилем идентичности имеют более высокие баллы по данной шкале по сравнению с респондентами с диффузным стилем идентичности [Duriez, Soenens, 2006]; при этом зафиксировано отсутствие корреляций между шкалой информационного стиля идентичности и шкалами Нейротизма и Экстраверсии [Там же]. Существуют также данные о наличии отрицательной корреляции между шкалой нормативной идентичности и шкалой Открытости опыту и позитивной – со шкалой Сознательности [Berzonsky, 1997]. Наконец, в недавнем исследовании можно найти данные о наличии отрицательных корреляций между шкалой диффузного стиля идентичности и шкалами Открытости опыту, Экстраверсии и Сознательности [Parker, 2011]. Однако подчеркнем, что ни в одном из приведенных исследований не наблюдается одновременного наличия всех отмеченных взаимосвязей.

Мы частично подтвердили данные, полученные в этих работах. Так, была выявлена положительная корреляция между шкалой информационного стиля идентичности и шкалой Открытости опыту ($r = 0,25$, $p = 0,007$). Кроме того, мы предположили наличие положительной корреляции между шкалой информационного стиля идентичности и шкалой Экстраверсии, так как сам информационный стиль идентичности предполагает ориентацию на внешний мир, взаимодействие с другими людьми и познание, и это удалось подтвердить ($r = 0,28$, $p = 0,002$). Наиболее противоречивые результаты были получены при определении связей между нормативным стилем идентичности и шкалами «Большой пятерки». Так, в отличие от зарубежных исследователей мы не обнаружили отрицательной корреляции между шкалой нормативного стиля идентичности и шкалами Открытости опыту и Нейротизма, но (в соответствии с данными других исследований) подтвердили связь данной шкалы со шкалой Сознательности ($r = 0,27$, $p = 0,003$). Что же касается связей шкалы диффузного стиля идентичности, то нам не удалось подтвердить гипотезу, о которой говорят различные исследователи, что имеется отрицательная связь между шкалой диффузного стиля идентичности и шкалой Открытости опыту ($r = -0,10$, $p = 0,28$), однако другая зависимость (отрицательная связь диффузного стиля идентичности и показателей по шкале Сознательности) была обнаружена ($r = -0,30$, $p = 0,001$). Также была обнаружена статистически значимая положительная корреляция между шкалой диффузного стиля идентичности и шкалой Эмоциональной стабильности ($r = 0,23$, $p = 0,01$), ранее не отмечавшаяся в других исследованиях.

Выводы

В целом можно утверждать, что модифицированная русскоязычная версия опросника М.Берзонски имеет умеренно высокие показатели надежности и валидности: коэффициенты α Кронбаха колеблются в промежутке от 0,62 до 0,67; модель, заложенная в конфирматорный факторный анализ, дает показатели умеренно высокого уровня; результаты анализа опросника с помощью эксплораторного факторного анализа показывает, что все вопросы, включенные в модель, относятся к соответствующим факторам и имеют нагрузки не менее 0,30; большинство предположений, выдвинутых при проверке конструктивной валидности опросника, подтвердились.

Подчеркнем, что серьезным ограничением в процедуре проверки надежности опросника М.Берзонски является отсутствие зарубежных данных по ретестовой надежности. Другим значительным недостатком процедуры валидизации опросника является отсутствие проверки его конвергентной валидности. Иными словами, исходно отсутствуют данные о связи опросника стиля идентичности с содержательно похожими опросниками (например, опросником Дж.Марсиа по статусам идентичности). Далее представляется очевидным и необходимым уточнить дискриминантную валидность опросника, чтобы доказать, что он не дает «случайных» корреляций.

Таким образом, следует признать умеренно высокие психометрические показатели русскоязычной версии опросника М.Берзонски, но отметить, что необходимо дальнейшее уточнение показателей его валидности и надежности.

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 13-06-00272 «Социальное и информационное пространство: взаимосвязь и взаимозависимость».

Литература

Белинская Е.П. Проблема изменчивости / константности представлений человека о себе: социально-психологический взгляд. Психология и психотехника, 2013, No. 4, 320–327.

Войскунский А.Е., Евдокименко А.С., Федунина Н.Ю. Сетевая и реальная идентичность: сравнительное исследование. Журнал Высшей школы экономики, 2013, 10(2), 98–121.

Рикель А.М. Профессиональная Я-концепция и профессиональная идентичность в структуре самосознания личности. Часть 2. Психологические исследования, 2011, 3(17), 11. <http://psystudy.ru>

Стефаненко Т.Г. Этническая идентичность: от этнологии к социальной психологии. Вестник МГУ. Серия 14. Психология, 2009, No. 2, 3–17.

Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность: теория, эксперимент, тренинг: учеб. пособие. М.: Моск. психол.-соц. институт, 2004.

Adams G.R. The Objective Measure of Ego Identity Status: A Reference Manual, 1998. http://www.uoguelph.ca/~gadams/OMEIS_manual

Berzonsky M.D., Sullivan C. Social-Cognitive Aspects of Identity Style: Need for Cognition, Experiential Openness, and Introspection. Journal of Adolescent Research, 1992, 7(2), 140–155.

Berzonsky M. Reliability Data for the Identity Style Inventory. State University of New York at Cortland,

1997. <http://w3.fiu.edu/srif/ArchivedPagesJK/Berzonsky/BerzonskyISI3.rtf>

Crocetti E., Rubini M., Berzonsky M., Meeus W. Brief Report: The Identity Style Inventory – Validation in Italian Adolescence and College Students. *Journal of Adolescence*, 2009, 32(1), 425–443.

Duriez B., Soenens B. Personality, Identity Styles, and Authoritarianism: An Integrative Study among Late Adolescents. *European Journal of Personality*, 2006, 20(5), 397–417.

Johnson E.A., Nozick K.J. Personality, Adjustment, and Identity Style Influences on Stability in Identity and Self-Concept During the Transition to University. *Identity: An International Journal of Theory and Research*, 2011, 11(1), 25–46.

Kroger J., Marcia J. The Identity Statuses: Origins, Meanings, and Interpretation. In: S.J. Schwartz, K. Luyckx, V.L. Vignoles (Eds.). *Identity Theory and Research*. NY: Springer, 2010. pp. 31–54.

Parker J.R. Influences of Openness and Identity Style on Orientations to Religious Belief: A Proposed Integrative Model. Master's Thesis and Doctoral Dissertation, 2011, 337.
<http://commons.emich.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1337&context=theses>

Serafini T.E., Adams G.R. Functions of Identity: Scale Construction and Validation. *Identity: An International Journal of Theory and Research*, 2002, 4(2), 363–391.

Smits I., Soenens B., Berzonsky M.D., Luyckx K., Goossens L., Bosma H. The Identity Style Inventory – Version 4: A Cross-National Study in Scale Development and Validation. In: Smits I. *Identity Style in Adolescents: Measurement and Associations with Perceived Parenting, Personal Well-Being, and Interpersonal Functioning*, 2009. pp. 57–105.

Поступила в редакцию 8 декабря 2013 г. Дата публикации: 29 апреля 2014 г.

[Сведения об авторах](#)

Белинская Елена Павловна. Доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, 125009 Москва, Россия.

E-mail: Elena_belinskaya@list.ru

Бронин Игорь Дмитриевич. Аспирант, лаборатория психологии подростка, Психологический институт Российской академии образования, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, 125009 Москва, Россия.

E-mail: idbronin@gmail.com

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Белинская Е.П., Бронин И.Д. Адаптация русскоязычной версии опросника стилей идентичности М.Берзонски. *Психологические исследования*, 2014, 7(34), 12. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Белинская Е.П., Бронин И.Д. Адаптация русскоязычной версии опросника стилей идентичности М.Берзонски // *Психологические исследования*. 2014. Т. 7, № 34. С. 12. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обратился к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n34/964-belinskaya34.html>

[К началу страницы >>](#)